

Хотя точный состав лекарства не был известен, предполагалось, что оно действует как успокаивающее средство, и эффект был очень сильным.

Сразу после приема лекарства у игроков началось головокружение. Им не хотелось идти в свои комнаты, поэтому они просто нашли комнату поблизости и легли в ней.

Кровати все равно были одинаковыми, и у них не было лишнего багажа, так что для них не имело значения, какую кровать брать.

Когда Ся Чи и Эмиль наконец легли в комнату, в коридоре остались только Бай Лисинь и Линь Цзюэ вместе с улыбающимся священником.

Священник: «Вы двое идеальны. Они не проснутся от этого сна до завтрашнего утра. Согласно плану, вы двое продолжите слушать музыку во второй половине дня. Это выступление знаменитого мистера Сэма».

Священник вынул карманные часы: «Сейчас час дня. Я приду и позову вас в 15:00».

Священник провел их в единственную свободную комнату и призвал: «Ну, входите».

Бай Лисинь: «.....»

Это развитие было немного сложным.

Пока Бай Лисинь все еще колебался у двери, Линь Цзюэ на своих длинных ногах вошел прямо, выбрал кровать у окна и лег на нее.

Он был таким высоким, что односпальная кровать была мала под ним на один размер.

Поскольку он был в ботинках, он не лежал на них до конца, но его икры болтались вместе с ботинками, а руки были подняты на голову.

Он лениво откинулся на спинку кресла, и его глаза встретились с глазами Бай Лисиня, стоявшего в дверях.

Бай Лисинь: «.....»

Почему это похоже на то, как овца входит в логово тигра? Мои ноги чувствуют себя чрезмерно тяжелыми, ах.

"Заходи." Священник толкнул Бай Лисиня сзади.

Как будто он выполнил свою последнюю задачу, священник закрыл дверь комнаты в тот момент, когда вошел Бай Лисинь.

Когда они посмотрели друг на друга, Бай Лисинь почувствовал, что он похож на ягненка, которого преследует гепард в глазах другого.

Как пришел, так и будет.

Бай Лисинь просто не смотрел на Линь Цзюэ и приложил ухо к дверному косяку, прислушиваясь к движению снаружи через дверь комнаты.

— Хочешь снова пойти искать улики? Голос Линь Цзюэ раздался сзади, и он был очень близко к нему.

Бай Лисинь обернулся и обнаружил, что Линь Цзюэ в какой-то момент подошёл к нему сзади.

Его горло неудержимо свело.

Его чувства всегда были очень сильны, и он мог уловить даже малейшее движение ветра, но Линь Цзюэ только что подошел к нему сзади, и он даже не заметил.

Если бы не голос Линь Цзюэ, он бы подумал, что другая сторона все еще в постели.

Звук шагов священника становился все дальше и дальше и, наконец, совсем исчез.

Чрезвычайно агрессивный взгляд Линь Цзюэ смотрел на него, и в его глазах мелькнул намек на безумие.

Бай Лисинь был удивлен всего на мгновение, прежде чем быстро успокоиться.

Хотя это было очень тонко, он почувствовал намек на знакомство в теле Линь Цзюэ.

В остекленевших зрачках Линь Цзюэ все, что он мог видеть, была его белоснежная фигура:
«Ты не хочешь выйти?»

Линь Цзюэ улыбнулся и сделал два шага назад, чтобы сесть на край кровати: «Как насчет того, чтобы пойти куда-нибудь вместе позже?»

Бай Лисинь: «Хорошо, куда ты собираешься пойти?»

Линь Цзюэ: «Вернемся в камеру заключения, хочешь присоединиться ко мне?»

Бай Лисинь: «Да».

Линь Цзюэ слегка усмехнулся, глядя на красивого молодого человека, стоящего перед ним. Его брови поднялись, и он улыбнулся. Он был похож на обнаженный меч, покрытый холодом света и теней меча.

Тонкие губы мужчины скривились, а глаза заострились, отчего Бай Лисинь почувствовал холодный пот на спине.

—

Тридцать минут спустя Бай Лисинь последовал за Линь Цзюэ по длинному коридору и вниз по несколько старой деревянной лестнице в подвал.

Они не видели никаких NPC в течение всего времени.

Священники и монахини исчезли.

Как будто они были единственными, кто остался в огромном Доме Красного Яблока.

Была ли сцена за пределами того, что было видно невооруженным глазом, о которой они не подозревали?

В подземном переходе было очень темно, а в длинном коридоре было несколько маленьких дверей по обеим сторонам.

Двери были ржавые, с пятнами крови и выглядели старыми.

Дом Красного Яблока был гораздо менее гламурным и мирным, чем казался.

Какова была личность и цель этих гостей?

И почему они были изолированы на этом острове?

Куда вдруг исчезли священники и монахини?

И откуда взялись тела, сваленные в стенах?

Какова личность призрака ночью? Поскольку она утверждала, что она «мать», имела ли она какое-либо отношение к этому Дому Красного Яблока или нет?

А еще была Ночная прогулка сотни призраков. Какие опасные вещи произойдут через несколько дней?

Со временем в голове Бай Лисиня возникало все больше и больше сомнений и вопросов.

Каждая часть была решающей; вопросов было много, но они были так взаимосвязаны, что казались одним вопросом.

Если бы они только могли найти небольшую подсказку к одному из них, они могли бы пройти по следу и раскрыть правду о Доме Красного Яблока и, таким образом, найти способ справиться с Ночной Прогулкой Сотни Призраков.

Просто фраза «Ночная прогулка сотни призраков» звучала не очень хорошо.

Пока Бай Лисинь размышлял об этом, человек перед ним остановился как вкопанный.

Бай Лисинь остановился после него и проследил за взглядом Линь Цзюэ до маленькой ржавой железной двери.

Первоначальная железная дверь зеленого цвета стала красно-оранжевой, а железо на ее поверхности отслоилось и заржавело до неузнаваемости.

На железной двери был замок, и на замке тоже были явные пятна ржавчины.

Бай Лисинь: «Это та камера, в которой ты вчера сидел?»

Линь Цзюэ: «Да».

Линь Цзюэ подошел к камере заключения, повернул замок пальцами, и замок щелкнул.

Он небрежно откинул замок и с громким «скрипом» железная дверь распахнулась.

Бай Лисинь последовал за Линь Цзюэ внутрь.

Карцер был небольшим, всего около десятка квадратных метров. У стены стояла очень маленькая кровать, на ней было очень старое одеяло. На одеяле были пятна крови, но с годами эти пятна почернели.

Перед маленькой железной кроватью стоял небольшой квадратный столик, на котором были крапчатые черточки на столешнице и какой-то другой почерк.

Комната была слабо освещена, и Бай Лисинь достал из рюкзака фонарик.

Он включил самую низкую настройку, и свет фонарика осветил спину Линь Цзюэ.

Его взгляд упал на спину Линь Цзюэ, и пальцы Бай Лисиня, державшие фонарик, слегка напряглись.

Было похоже, что темная тень сместилась за Линь Цзюэ в тот самый момент, когда свет фонарика осветил ее.

"В чем дело?" Линь Цзюэ повернул голову назад, словно почувствовав взгляд Бай Лисиня.

Он повернул фонарик в другом направлении, и свет упал на стол: «Ничего, я просто впечатлен тем, какой ты красивый».

«Хех». Низкий смешок мужчины раздался из тесной камеры заключения: «Правда? У тебя хорошие глаза».

Бай Лисинь: «.....»

Я просто сказал это вскользь. Не принимай это слишком серьезно.

Фонарик осветил стол, и Бай Лисинь наконец увидел следы на столе.

Он задавался вопросом, сколько людей было заключено в этой холодной и узкой камере заключения. На деревянном столе был целый след — некоторые были совсем неглубокими, а некоторые были в пятнах черной крови.

Следы были сделаны не острым лезвием, а скорее ногтями.

Изначально стол был черного цвета, но ногти содрали черную краску, и бесчисленные следы пересекали стол, показывая отчаяние и безумие людей, которые их сделали.

Фонарик медленно спустился со стола и подошел к ножкам стола.

Ножки стола тоже были покрыты этими отметинами, и когда он уже собирался встать, чтобы оглядеться в поисках подсказок, свет фонарика непреднамеренно осветил заднюю часть столешницы.

Одно-единственное слово, выцарапанное кровью и ногтями, тут же появилось в поле зрения.

Зрачки Бай Лисиня слегка сузились.

- "Помогите мне!"

- "Это ужасно."

- «Ад, это ад!»

-- "Дьяволы! Они все дьяволы!»

Окровавленные слова отчаяния одно за другим без предупреждения появлялись в глазах Бай Лисиня.

Он мог прочитать эти слова.

Но слова в этой копии, в том числе и на нарисованных яблоках на доме, были неузнаваемы.

Что это значит?

Лицо Бай Лисиня погрузилось, как камень в воду, когда он медленно встал и легко перевернул стол.

Бай Лисинь присел на корточки и осветил фонариком на спинку стола, внимательно изучая сообщения на нем.

Это были крики бывших игроков. Должно быть, они сильно страдали, потому что он даже мог почувствовать боль и отчаяние в их словах.

Если копия перезагружалась каждый раз, то обо всех этих игроках должны были позаботиться с самого начала, как и сейчас.

Как он перешел от рая к заключению в карцере?

Он продолжал светить на него фонариком и среди этих слов отчаяния нашел какие-то фразы.

В отличие от тех слов, которые выцарапывались ногтями, эти писались пером.

В одном предложении говорилось, что игра со временем немного устарела, но все остальное было покрыто толстыми следами ножа, и Бай Лисинь смог разобрать лишь небольшую часть надписи.

«..... Это все притворство..... плен..... это..... мы должны слушать..... нельзя доверять..... не ешь..... здесь, чтобы спасти..... беги.....День 4.....»

Ключевые слова в сообщении были почти все охвачены.

Это все притворство? Был ли это способ сказать, что все удобства в Доме Красного Яблока были бутафорией?

Бай Лисинь долго смотрел, но смог разобрать только эти несколько слов.

Единственной полезной подсказкой в этом отрывке было слово «День 4».

Четвертый день.

Может ли это быть поворотным моментом?

Значит, им нужно было быть готовыми к тому, что должно было произойти на четвертый день?

Бай Лисинь был так сосредоточен на столе перед ним, что забыл о Линь Цзюэ позади него.

В месте, которое Бай Лисинь не мог видеть, Линь Цзюэ посмотрел на Бай Лисиня с улыбкой на лице. Его изначально нормальные глаза стали полностью черными.

На стене позади Линь Цзюэ свирепая черная тень отражалась на тусклой стене. Черная тень была похожа на зверя с пустыми глазами и острыми клыками.

В тот момент, когда Бай Лисинь повернул голову, черная тень отодвинулась, насколько это было возможно, и глаза Линь Цзюэ вернулись в нормальное состояние.

— Подойди сюда и посмотри на это. Бай Лисинь оглянулся на Линь Цзюэ: «Ты видишь еще какие-нибудь подсказки?»

Линь Цзюэ подошел к Бай Лисиню, согнув левую ногу в полусогнутом положении, и внимательно прочитал: «Это все притворство..... плен..... это..... мы должны слушать..... нельзя доверять..... не ешь..... здесь, чтобы спасти..... беги.....День 4....."»

Его костлявые пальцы остановились на словах «день 4», и он сказал: «Значит, мы должны

обратить внимание на четвертый день».

Бай Лисинь: «Я тоже так подумал. Что еще ты видишь?»

Линь Цзюэ: «Это должно быть оставили предыдущие игроки. Почерк слишком бледный, а в копии их слишком много, поэтому я не хочу слишком много строить догадок. *Солдаты идут на блок, вода заливают землю. Посмотрим, что будет на четвертый день».

* Принимать соответствующие контрмеры в зависимости от ситуации.

— Это все притворство, должно быть, отсылка к тем священникам и Дому Красного Яблока, верно? Нужно ли нам доказывать, что это обман? Они действительно думали, что внутри копии будет райский сад? Даже если и есть, он должен существовать ради большего заговора».

Бай Лисинь сменил тему: «Что ты пришел сюда найти?»

Линь Цзюэ: «На самом деле, я получил еще одно задание, помимо задания на 3000 очков за ночь».

Он встал, его сапоги для верховой езды захрустели по бетонному полу.

«Прошлой ночью в этой комнате было привидение, маленький ребенок. Он попросил меня помочь ему найти его мать».

Найти его мать?

Внезапно ему на ум пришел резкий голос матери-призрака, который он слышал вчера.

— А потом что случилось?

Линь Цзюэ: «Тогда я взял его. Ночью я не мог сильно шуметь, поэтому пришел искать улики днем. Одолжи мне свой фонарик».

Вместо того, чтобы немедленно передать фонарик Линь Цзюэ, Бай Лисинь риторически спросил: «Ты такой зрелый игрок-ветеран, разве ты не знаешь, как носить осветительный реквизит в рюкзаке?»

Это не имело смысла.

Ботинки Линь Цзюэ остановились, и он повернулся, чтобы посмотреть на Бай Лисиня: «Что? Ты подозреваешь меня?»

Бай Лисинь: «Ну нет, это просто разумный вопрос».

Линь Цзюэ вытащил из рукава небольшой кинжал: «Если бы я действительно хотел что-то сделать с тобой или был плохим парнем, эта твоя жизнь была бы потеряна уже семь или восемь раз. Это правда, что у меня нет никакого светового реквизита, потому что другие карты реквизита заполнили мой рюкзак. Удовлетворительно ли тебе это объяснение?»

Бай Лисинь промолчал, только пристально взглянув на Линь Цзюэ, прежде чем передать другой стороне фонарик: «Это единственный фонарик, который у меня есть. Не забудь вернуть его после использования. Я скуп».

Линь Цзюэ рассмеялся.

Сводки его костлявых пальцев случайно коснулись пальцев Бай Лисиня, и Бай Лисинь был ошеломлен чрезмерно низкой температурой тела другой стороны.

Линь Цзюэ взял фонарик, и свет упал на окровавленную, покрытую пятнами стену.

Зажигая его, он подумал, не скучно ли ему, и поэтому объяснил: «Этот маленький призрак сказал, что ключ к его матери висит на стене, так что подойди и помоги мне тоже найти его».

Бай Лисинь вышел вперед и осмотрел стену при свете фонарика, спрашивая во время поиска: «Что это за подсказка?»

Линь Цзюэ: «Я не знаю, над этим паршивцем очень сильно издевались, и его избили, прежде чем он смог сказать два слова».

Глаза Бай Лисиня были устремлены в стену, когда он спросил: «Как они выглядят?»

Фонарик двигался сверху вниз, и Линь Цзюэ тихо заговорил. Его тон был очень небрежным, как будто речь шла не о страшных призраках, а о куклах: «У некоторых не было рук, у некоторых были сломаны ноги. Они выглядели людьми и по какой-то причине были заперты в камере заключения. Они, казалось, не могли выбраться, поэтому просто крутились в изоляторе».

Бай Лисинь: «Возможно ли, что это были жертвы, умершие в камере заключения? Значит, они могли только бродить по камере?»

Линь Цзюэ: «Это тоже возможно».

Скольжение света прекратилось, и глубокие темные глаза Линь Цзюэ посмотрели на Бай Лисиня: «Почему ты спрашиваешь об этом?»

Бай Лисинь молчал две секунды: «Пытаюсь найти подсказки, чтобы увидеть, могу ли я помочь их освободить».

Свет внезапно прекратился, когда волны замерцали в черных как смоль глазах Линь Цзюэ. Там, где Бай Лисинь не мог видеть, чернота быстро заполнила глаза со зрачком в центре, и в одно мгновение глаза стали полностью черными.

Но в тот момент, когда Бай Лисинь поднял голову, полная чернота тут же рассеялась, а когда Бай Лисинь обернулся, его глаза снова приобрели острый соколиный вид.

Линь Цзюэ фыркнул: «Ты даже не можешь позаботиться о себе, и у тебя все еще есть энергия, чтобы заботиться о других людях... призраках? Не делай громких разговоров».

Бай Лисинь только улыбнулся, указывая на пестрый стол.

Хотя на его лице была слабая, нежная улыбка, глаза молодого человека уже покрылись инеем, а голос был очень холодным: «Я, как человек, никогда не следовал правилам. Чем больше система не позволяет мне сделать, тем больше я должен сделать. Чем больше эта копия пытается заточить призраков, тем больше я должен их вызволить!»

Пока он говорил, свет фонарика падал ему в глаза. В сумрачной комнате глаза юноши были подобны ярким звездам на небе, ярко сияя и освещая густую тьму ночи.

В этот момент Линь Цзюэ тупо уставился на молодого человека.

<http://bllate.org/book/14977/1324666>